

Кирилло-Белозерский
историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
Музей фресок Дионисия

Ферапонтовский сборник

VII

к 1401041

МОСКВА «ИНДРИК» 2006

ВОЛОГОДСКИЙ ЛЕВША

Памяти Николая Ивановича Федышина

Колесный пароход «Федор Достоевский» вечером отходил от вологодской пристани и потом двое суток неспешно пробирался через реки, озера, шлюзы и каналы к городу Кириллову, а оттуда по проселочной дороге рукой было подать до Ферапонтова монастыря. Посетителей и туристов тогда было совсем мало, и мне, командированному сюда Всероссийским реставрационным центром, никто не мешал работать и наслаждаться творением Дионисия и его сыновей. Очутившись в соборе ранней осенью, когда хрустальный свет словно растворял в себе драгоценное звучание многоцветной дионисиевской палитры, я воочию представил, какую божественную радость чувствовали мастера бригады Дионисия, закончив росписи Богородицкого собора. Такой точно восторг, наверное, испытывал Джотто, работая в храмах Ассизи, Микеланджело, самозабвенно украшавший фресками Сикстинскую капеллу, и в конце концов Пушкин, поставивший последнюю точку в «Борисе Годунове».

И рабочая часть той поездки одарила меня щедрым открытием. На деревянной скамье в притворе собора я увидел две большие иконные доски с аккуратными окошками реставрационных расчисток, сделанных, как потом оказалось, в 1920-е годы. Краски икон перекликались с палитрой дионисиевских фресок, а в музейной инвентарной книге значилось, что они происходят из местного ряда иконостаса Рождественского собора. Я только что отобрал в Вологодском музее два десятка икон на реставрацию в Москву и сильно порадовался такому уникальному пополнению моего списка. Но один из старых специалистов, задававших тон в тогдашней деятельности Всероссийского центра, до сих пор не знаю почему, сказал, что находка моя гроша ломаного не стоит, и отказал в ее вызове на реставрацию. Слава Богу, в Русском музее мне удалось рассказать коллегам о чудесном «ферапонтовском явлении», и они, не от-

кладывая дела в долгий ящик, в тот же год доставили обе иконы в Ленинград. И теперь прекрасно отреставрированные шедевры являются украшением богатейшей экспозиции Русского музея, ибо написаны Дионисием или одаренными его сподвижниками.

За сорок лет неоднократно возвращался я к берегам Бородавского озера по служебным делам, выбирал с группой Андрея Тарковского натуру к съемкам фильма о Рублеве. Сопровождая любознательных друзей, в очередной раз я окунался в гармоническую благодать дионисиевских фресок. Конечно, Псков, Кижи и Ярославль, где я провел большую часть жизни, стали местом почти постоянного пребывания, но и Вологодчина была мне дорогой и близкой.

Начиналось вот уже почти полвека длящееся путешествие по умытым летним дождем улицам, ведущим от вологодского вокзала к Кремлю. Сколько тепла и тихой радости исходило от пробуждавшихся на рассвете деревянных домов, так непохожих друг на друга и так затейливо украшенных, что перед каждым из них невольно хотелось остановиться. От балконов, мезонинов, окошек с ажурными наличниками ярким пламенем герани и синевой домашних фиалок струился «несказанный свет». Деревянное кружево, сотканное местными мастерами, поражало неудержимой фантазией и богатством орнамента.

В Кремле расположен Историко-художественный и архитектурный музей-заповедник. В послевоенную пору он мало чем отличался от краеведческих хранилищ России. Экспонаты имелись в изобилии — от археологических предметов II тысячелетия до н.э. до современных вологодских кружев и свидетельств Отечественной войны. Но изучение их, а главное, показ зрителям только начинались. Война давала о себе знать, многие раны еще не зарубцевались, а неудержимая тяга к прекрасному, к сохранению памяти поддерживала музейных работников, возрождавших свои детища.

При посещении провинциальных музеев случаются самые неожиданные встречи с творениями старых мастеров. Я готов часами рассматривать собрания российских галерей. С какой любовью и заботой подобраны их коллекции! Каким вниманием окружен каждый экспонат! За каждой вещью чувствуется труд служителей музея. Это, как правило, удивительные люди, великолепно знающие свое дело, преданные ему, это истинные патриоты местной культуры. Своими знаниями они делятся бескорыстно, получая

удовольствие от общения с посетителями и стараясь как можно доходчивее рассказать о своей любви к экспонатам, чья история известна им как собственная биография.

Реставратор-художник Вологодского музея Николай Иванович Федышин относился к славной породе людей, которым доверена судьба охраны художественного наследия на местах. «Столичные музеи так переполнены и загромождены, что после них хочется посмотреть что-либо попроще, провинциальное. Недаром все наши (вологодские. — С. Я.) вещи с таким интересом смотрятся приезжими посетителями», — это выдержка из письма его отца, Ивана Васильевича, к Екатерине Николаевне Федышиной, наглядный документ, свидетельствующий об их преданной любви к Вологодскому музею, любви, во имя которой сложили они свои головы в самые трудные годы истории России.

Николай Иванович это родительское чувство унаследовал с генетической закономерностью и продолжал их музейное служение с завидной последовательностью.

Пять тысяч. Таково примерно количество единиц хранения произведений древнерусской живописи в Вологодском музее. Датируются памятники XIII–XIX веками. Если учесть, что любая доска требует внимательного отношения реставратора, а некоторые из них нуждаются в срочной профилактической помощи, можно представить, какой груз обязанностей в те годы был возложен на Николая Федышина. И справлялся он с ними безукоризненно, никогда не устраивая паники и не жалуясь на трудности профессии. А многие не утерпели бы.

В тот первый приезд в Вологду я так и не понял, как Коле Федышину удается существовать. Жизнь мало кого из нас баловала. Семья Николая Ивановича занимала маленькую каморку рядом с подклетом, где хранились сокровища древней иконописи. Трое детей и он с женой едва там помещались. Мы пытались сочувствовать ему. Коля или с улыбкой отмалчивался, или переводил разговор на рабочие темы. А в мастерскую он приходил всегда первым, с памятниками обращался так осторожно и любовно, что, казалось, и нет у него других забот в жизни. Он не только укреплял, расчищал и тонировал иконы, но и изучал историю каждой доски, старался выведать ее секреты и как можно больше узнать о тех, кто писал их в древности. И результаты превзошли все ожидания.

Персональная выставка реставрационных работ Николая Ивановича Федышина наглядно показала, на что способен одержимый

благородной страстью человек. Мастер вернул к жизни столько вологодских икон, сколько не под силу иному учреждению с немалочисленным штатом. Сам по себе встал вопрос о расширении экспозиционных площадей в местном музее для показа вновь открытых сокровищ местного искусства XIV-XIX веков. Когда нас, столичных специалистов, пригласили на обсуждение проекта новой экспозиции, мы попали на хорошо подготовленный праздник, ибо вологжане на славу потрудились во имя вечной красоты. Сейчас еще более расширенная экспозиция радует глаз жителей Вологды и многочисленных паломников, посещающих город. Она стала своего рода эталоном показа культурного наследия в российской провинции. Николай Федышин отдавал все силы, помогал коллегам, не менее, чем он влюбленным в музейное дело, в устройстве экспозиции. То, о чем мечтали его родители, сбылось на наших глазах. А если бы они еще увидели, что их внуки тоже пошли в реставраторы, они убедились бы в верности избранного ими пути служения родному краю.

* * *

Из совместных работ с Колей Федышиным мне больше всего запомнились дни составления реставрационной «Описи произведений древнерусской живописи в музеях РСФСР». Мы приехали в Вологду вместе с художником-реставратором Кириллом Шейнкманом и почти полмесяца провели в богатых фондах краеведческого музея. Доскональному изучению каждой из пяти тысяч хранящихся здесь иконных досок существенно помогла составленная Федышиным и музейными хранителями картотека. Кроме того наш вологодский коллега знал каждую описываемую икону до малейших деталей и подробностей и щедро делился с нами своими знаниями. Работалось с ним легко. Глядя на то, как он заботливо вынимает иконы из стеллажей, внимательно рассматривает лицевую и тыльную их стороны и подробно рассказывает об их происхождении, мы с Кириллом забывали об усталости и поздно вечером возвращались в гостиницу, словно побывав в другом мире, где не было места повседневной суете и житейским мелочам. Тогда я начинал понимать, что Коля Федышин отнюдь не скучный музейный служащий, а живой подвижник, по-настоящему влюбленный в свое дело.

Было у Николая и тонкое чувство юмора, доброго и разностороннего. Никогда не забуду его рассказ о том, как, реставрируя в местном Софийском соборе фрески вместе с ленинградской бригадой, руководимой Н. В. Перцевым, решил он проучить задиравших нос столичных коллег. Имея под рукой старые образчики бумаги, изготовил специальные чернила по древним рецептам, «сотворил» тонкий умелец закладную грамоту с указанием даты фресковой росписи и перечнем мастеров, в ней участвовавших. Когда тароватые ленинградцы нашли сей документ в одной из расщелин собора то, не скрывая радости, сразу пригласили журналистов и телевизионщиков. Смущенно наблюдал за ними автор «послания из прошлого», но в последний момент пожалел сотоварищей и рассказал о своей проделке. Чуть ли не с кулаками набросились они на него, не поверив ни одному его правдивому слову. Пришлось Николаю на глазах у изумленных реставраторов повторить процесс создания новодельной закладной и заставить их изумиться столь тонкой работе.

В один из моих приездов в Вологду Федышин попросил меня познакомиться с результатами его исследования о дате создания фресок Дионисия в Ферапонтовом монастыре. Несколько часов слушал я этот своего рода научный доклад, излагаемый ярким и живым языком человека, словно повторившего в малейших нюансах весь творческий процесс дионисиевской артели. И ни на минуту не усомнился я в его выводе о том, что огромная работа была выполнена всего за 34 дня, ибо доказал это Николай с математической точностью. Когда я восторженно рассказывал в Москве об этом открытии специалистам, они смеялись надо мной, а заодно, и над федышинскими измышлениями. Теперь улыбаюсь я, когда слышу и читаю о фантастическом подвиге Дионисия. Экскурсоводы и авторы путеводителей говорят о «34 днях» убежденно и проникновенно, забывая зачастую об открывателе этой истины.

А каким весельчаком и балагуром в быту оказался тихий, неразговорчивый Коля Федышин, которого я привык видеть постоянно склоненным над очередной восстанавливаемой иконой. Как прекрасно он пел и как вдохновенно плясал на наших реставрационных посиделках. Оторваться от его миниатюрной фигурки было невозможно: радость и веселье, исходящие от Коли, заражали окружающих, и даже на самых строгих лицах появлялась солнечная улыбка, а некоторые выходили вместе с нами в круг

и увлеченно подпевали ему. Талантливый человек совершенен и артистичен во всем.

Последний раз судьба свела меня с Колей Федышиным за два года до его кончины. Во дворе Вологодского Кремля впервые в истории русского музейного дела открывалась мемориальная доска, увековечившая подвиг Ивана Васильевича и Екатерины Николаевны Федышиных, заложивших фундамент местного храма искусств. Радостным и просветленным был тот залитый северным солнцем праздник, включивший в себя и чествование Николая Федышина, отмечавшего свой 75-летний юбилей. Скромно, со сдержанной улыбкой слушал виновник торжества благородные и торжественные слова. Я же благодарил Бога за то, что посылает он на землю таких чистых, трудолюбивых и способных людей. Память о нем – не только возрожденные к жизни иконы, но и духовное его житие, служащее примером для многих учеников и последователей.